

СНАЙПЕР

Дмитрий Силлов

ЗАКОН КРЕМЛЯ

Дмитрий Олегович Силлов
Закон Кремля
Серия «Апокалипсис-СТ»
Серия «Снайпер»
Серия «Снайпер Дмитрий Силлов»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67728401
Закон Кремля : [фантастический роман] / Дмитрий Силлов: АСТ;
Москва; 2022
ISBN 978-5-17-135321-6

Аннотация

Снайпер искал путь к исполнению своего желания – и он нашел его!

Чтобы оживить погибших друзей, ему нужно вновь пробиться через границу миров и вернуться туда, куда он однажды поклялся никогда не возвращаться.

В мир, где биороботы питаются трупами убитых солдат.

Где боевые мутанты и киборги охотятся друг на друга.

Где телепаты управляют целыми армиями.

И где люди, укрывшись за стенами древнего Кремля, раз за разом отражают атаки ужасных монстров.

Там, в этом страшном мире вечной войны, Снайперу предстоит сделать нелегкий выбор: чтобы оживить друзей, ему придется погубить целый мир, а может, даже не один.

Ведь у каждого исполнения желания есть своя цена.

И чем сложнее оно, тем страшнее расплата.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

79

Дмитрий Силлов

Закон Кремля

Автор искренне благодарит:

Марию Сергееву, заведующую редакционно-издательской группой «Жанровая литература» издательства АСТ;

Алекса де Клемешье, писателя и редактора направления «Фантастика» редакционно-издательской группы «Жанровая литература» издательства АСТ;

Алексея Ионова, ведущего бренд-менеджера издательства АСТ;

Олега «Фыф» Капитана, опытного сталкера-проводника по Чернобыльской зоне отчуждения, за ценные советы;

Павла Мороза, администратора сайтов *www.sillov.ru* и *www.real-street-fighting.ru*;

Алексея «Мастера» Липатова, администратора тематических групп социальной сети «ВКонтакте»;

Елену Диденко, Татьяну Федорищеву, Нику Мельн, Виталия «Дальнобойщика» Павловского, Семена «Мрачного» Степанова, Сергея «Ион» Калинцева, Виталия «Винт» Лепестова, Андрея Гучкова, Владимира Николаева, Вадима Панкова, Сергея Настобурко, Ростислава Кукина, Алексея Егорова, Глеба Хапусова, Александра Елизарова, Алексея

Загребельного, Татьяну «Джинни» Соколову, писательницу Ольгу Крамер, а также всех друзей социальной сети «ВКонтакте», состоящих в группе <https://vk.com/worldsillov>, за помощь в развитии проектов «СТАЛКЕР», «СНАЙПЕР», «ГАДЖЕТ», «РОЗА МИРОВ» и «КРЕМЛЬ 2222».

Я шел по Зоне к Рыжему лесу, который был совсем недалеко. Незачем плодить новые легенды и слухи, когда можно этого не делать, – просто если у всех на глазах рассекаешь сверкающим ножом пространство, после чего уходишь через разрез в другую вселенную, это всегда провоцирует пересуды, без которых лучше обойтись.

Я точно знал, куда иду и зачем. Когда у тебя есть цель – пусть призрачная, пусть кажущаяся недостижимой, – жить всегда легче. Вот без цели труднее. Коптишь себе небо, жрешь, гадишь, спишь, добываешь жратву – и опять все снова по кругу. Тухло оно без цели. Скучно, гадостно на душе...

Но у меня она была.

Настоящая!

Вернуть к жизни моих друзей, которые погибли из-за меня.

Может, кто-то скажет, что я тут ни при чем, но я-то знаю. Не будь меня, жили бы они. И потому я должен вернуть их к жизни. Любой ценой, пусть даже она будет запредельной.

До Рыжего леса осталось совсем немного, когда у меня вдруг затылок зачесался. Вши, конечно, дело в Зоне обычное, но вроде у себя я их пока не находил. Да и по-другому

они свербят, не так паскудно и яростно, что тело прям само, без участия мозга вдруг смещается в сторону – и тогда мимо уха с омерзительным визгом пролетает пуля, которая по замыслу стрелка должна была ударить туда, где мгновение назад зверски чесалась кожа на затылке.

Это называется сталкерская чуйка, когда своей шкурой, не раз битой пулями, ножами, стрелами, копьями и другими смертоносными предметами, внезапно ощущаешь, что в тебя целится какая-нибудь сволочь. Не раз меня выручала та чуйка, спасла и сейчас.

Я упал на бок, перекатился, щелкнул предохранителем «Вала», еще не зная, в кого буду стрелять...

Впрочем, через секунду узнал.

Это были борги.

Четверо.

Вывалились из бара «Янов» и бегом кинулись рассредоточиваться на местности. Один со снайперкой уже рассредоточился, кстати. Первым вышел, не спеша встал на колени, СВД свою к плечу пристроил, уверенный, что со ста метров как раз плюнуть снимет одинокую ростовую фигуру, удаляющуюся в сторону леса.

Не вышло.

И этого снайпер не ожидал. Занервничал, задергался, ибо знал, в кого стрелял. Потому вторая пуля зарылась в землю у меня перед лицом. Ну а третью я ждать не стал, положив свою снайперу точно между глаз. Потому что когда стре-

ляешь, нервничать не надо. Несопоставимые это действия – тряска в руках и стрельба. Фигово выходит. Как у того снайпера, например, что сейчас грохнулся на спину, раскинув руки, – да так и остался валяться, испачкав своими мозгами стену сталкерского бара.

Правда, оставались еще трое, которые в темпе занимали наиболее удобные позиции для стрельбы. Нет, не трое. Еще одного я снял, когда он за кучу ржавых рельс падал с пулеметом наперевес. Еще б полмгновения – и его оттуда было бы крайне сложно достать. А ему – ствол меж стальных полос пристроил и поливай меня свинцом сколько угодно, пока я не превращусь в неаппетитный с виду кусок мяса, наштигованный свинцом.

Однако не вышла у пулеметчика его задумка. За рельсы он, конечно, упал, но стрелять не стал. Потому что мертвыми стреляют только зомби, но не борговцы, получившие пулю в бровь секунду назад.

Остальные, упав кто куда, начали палить беспорядочно и бестолково, вряд ли видя за хилой травой, куда молотят, и наверняка жалея, что ввязались в это дело столь малым отрядом. Слава обо мне по Зоне ходила грустная, некоторые вообще считали, что меня пули не берут, а у меня что ни выстрел, то труп.

Доля правды в этом, конечно, была, но небольшая, как в любой легенде. Например, я по тем стрелкам полмагазина высадил тоже вслепую и знал, что не попал, так как они про-

должали стрелять. И одна пуля, кстати, меня в плечо ударила.

Больно, блин!!! Не было б на мне борговского панциря с толстыми броненакладками, сустав бы разлетелся на фрагменты. А так лишь левая рука отсохла в момент, став бесполезным придатком к телу.

Ну твою ж душу! И чего делать? Ситуация патовая. Ни мне встать, ни боргам. И уползти никак, рука не работает...

Все решилось неожиданно.

Дверь бара открылась, и на пороге появился бармен с «Вепрем» в руках. Окинул взглядом поле боя, после чего выстрелил вниз два раза, закинул мощный гладкоствол на плечо, левой рукой почесал пузо и зычно гаркнул:

– Слышь, Снайпер, ты как? Живой?

– Ага, – отозвался я, на всякий случай держа бармена на мушке.

– Ты это, иди своей дорогой, сталкер, – рявкнул толстяк. – Не люблю я, когда моих хороших клиентов убить пытаются. Ну и это, должок теперь за тобой. При случае отдашь.

И ушел обратно в бар.

Я усмехнулся.

Вот ведь толстый паразит! Повесил на меня Долг Жизни. Теперь, пока я не рассчитаюсь, по закону Зоны не имею права его убить. А так хотелось... Но после того как он лихо выручил из неприятной ситуации мою тушку – нельзя. Иначе Зона отомстит. Ну, ладно. Значит, так тому и быть.

Я поднялся на ноги, немного понаблюдал, как выскочившие из «Янова» подручные бармена раздевают убитых (не пропадать же добру!), после чего повернулся и пошел, куда наметил.

К Рыжему лесу. Попутно размышляя о том, что если борги напали на меня, то теперь я уже не главарь их группировки¹. Разрулили как-то черно-красные эту непонятку, обошли – а может, отменили свой же закон и назначили нового главаря. Который первым делом дал по радиии команду всем членам «Борга» убить сталкера по прозвищу Снайпер.

А значит, сейчас к процессу охоты на меня и «Воля» вновь подключится. Главаря боргов им валить было как-то неуютно, тогда б вялотекущая война с красно-черными немедленно превратилась бы в бойню. Сейчас же у них с борговцами настоящее соревнование в крутости начнется: кто первым голову Снайпера добудет.

В связи с этим сваливать из Зоны нужно было как можно скорее.

Что, собственно, я и собирался сделать...

Рыжий лес вонял сыростью, гнилью и мертвечиной. Сладковатый запах разложения неприятно щекотал ноздри, отчего меня немедленно начало подташнивать. Не иначе, ктулху из какого-нибудь квазимяса кровь высосал, идохлая туша теперь смердела где-то в кустах неподалеку, привлекая своей

¹ О том, как Снайпер стал главарем группировки «Борг», можно прочесть в романе Дмитрия Силлова «Закон затона» литературной серии «СТАЛКЕР».

вонюю местных трупоедов.

Ну да, вон возня слышится за упавшим деревом, перекрученным так, словно оно в гигантской «мясорубке» побывало. Стая мышканов обедает. Мерзкие твари, ну их на фиг. Если решат, что я на их хабар покусился, могут всей кучей кинуться – и отбиться от этой своры мелких зубастых тварей будет ой как непросто.

Потому я, стараясь ступать бесшумно, ушел в сторону и, зажмурившись, мысленно приказал «Бритве» выйти наружу.

С недавних пор мой нож прижился в моей руке, словно в ножнах. С одной стороны, неплохо – оружие последнего шанса всегда с тобой, и фиг кто догадается, где именно. Но с другой – процесс вхождения «Бритвы» в верхнюю конечность и выхода из нее был болезненным на редкость. Примерно как настоящий боевой нож в руку запихивать, грубо раздвигая мышечные волокна – а потом вытаскивать его обратно. Крови при этом не было, и шрам в ладони затягивался практически моментально. Но каждый раз болело так, что хочешь – волком вой, хочешь – корявые деревья грызи, чтоб не завывать, и это при том, что я достаточно терпеливый.

Наконец пытка закончилась, и в моей ладони оказалась привычная рукоять «Бритвы». Клинок ее сверкал так, что глазам больно: подпиталась от меня знатно и готова к новым подвигам.

– Ну, поехали, – сказал я.

Зажмурился, стараясь очень четко представить себе, куда

хочу переместиться...

Странно, но воспоминания оказались как бы размытыми, хотя я был уверен, что прекрасно помню мир Кремля, где неслабо повоевал в свое время. Похоже, Зона стирает из головы все, что не способствует выживанию именно в ней. А может, я сам изменился после перерождения в автоклаве? Кто знает. Тем не менее картинка, которую я силился представить, была довольно плоской, словно нарисованной очень плохим художником...

Что ж, выбирать не приходилось.

– Помоги, – прошептал я, мысленно обращаясь к «Бритве».

При этом я думал о своем ноже не как об оружии, не как о предмете с рукоятью и остро заточенным клинком, отливающим лазурным светом. Я мысленно просил старого друга выручить меня в очередной раз. Этот боевой товарищ грел сейчас мою ладонь вполне живым теплом, и я был уверен, что он слышит мою просьбу. Иначе и быть не могло. Иначе тогда какой смысл в моей миссии – если, конечно, таковая существует? И какой из меня Меченосец – борец с нечистью, если я не смогу выполнить свой долг и спасти тех, кого я самому себе твердо пообещал вернуть к жизни?

Рукоять «Бритвы» уже не грела, а жгла мою ладонь, еще немного – и кожа пойдет волдырями от ожогов. Я открыл глаза – и невольно прищурился, спасая глаза от немыслимо яркого света. Кажется, мой старый друг услышал меня и го-

тов помочь!

Я знал – в таком режиме «Бритва» долго находиться не может, ибо ее аномальная энергия иссякает с каждой секундой. Медлить было нельзя!

Я размахнулся – и нанес своим ножом длинный удар, словно вспарывал сверху донизу огромную картину, растянутую от свинцовых туч Зоны до серой травы под ногами.

И картина поддалась!

Послышался треск, лазурные молнии побежали по разошедшимся в стороны краям разреза. Пространство, рассеченное «Бритвой», дрожало и грозило схлопнуться обратно. Но молнии, то и дело пробегающие по краям разреза, держали его, словно электрические пальцы. А там, в разрезе между мирами, была видна другая трава.

Багрово-красная. То ли мутировавшая под влиянием запредельного фона – не то радиационного, не то аномального, – то ли просто обильно политая кровью.

Но я не стал рассматривать, что же помимо травы цвета перезрелой вишни находится там, за краем междумирья.

Я и без этого точно знал, что ждет меня там, за порогом другой вселенной.

Там была Москва...

Огромный переживший атомную войну город, в центре которого возвышается Кремль – последний оплот человечества, символ возможного возрождения мира, сожженного

ядерным апокалипсисом².

И я шагнул вперед – с земли, отравленной радиацией, на такую же землю иной вселенной... Возможно, это и был наш мир, только через двести лет после ядерной катастрофы. Впрочем, какая разница. У меня появился призрачный шанс вернуть к жизни моих друзей, и ради этого я был готов на все.

Вероятность и вправду была эфемерной, и не исключаяю, что торговец информацией из бара «Янов» мне просто наврал. Однако сказанного им было достаточно, чтобы сопоставить факты.

Судя по его рассказам, в бар недавно забрел не кто иной, как нео, разумное гориллоподобное существо из вселенной Кремля. После того как я недалеко от села Новоселки прорубил незакрывающийся портал между нашим миром и соседним, это стало вполне возможным.

И рассказал тот нео о слепом шаме... Псионике, который мог жить только там, откуда приперся нео, ибо в Зоне не было шамов, кроме Фыфа, – до тех пор, пока Фыф не погиб...

То есть жил тот слепой шам в мире Кремля, крепости, ставшей последним оплотом людей после ядерной войны, породившей орды мутантов, биороботов и прочей нечисти, которая в свое время меня изрядно достала.

И вот теперь я снова шел туда, во вселенную, которая,

² Подробно о вселенной Кремля можно прочитать в романах литературного проекта Дмитрия Силлова «Кремль 2222».

пожалуй, будет пострашнее Чернобыльской Зоны моего мира...

И подтверждение этому я получил немедленно.

Первые мои шаги по земле иного мира сопровождались противным чавканьем, ибо мне приходилось с некоторым усилием выдирать подошвы берцев из раскисшей земли – сырой от крови, еще не успевшей ни свернуться, ни впитаться в почву.

Я шел по месту битвы...

Нет.

Бойни...

Повсюду были разбросаны человеческие останки – обрывки кишок, обглоданные кости, разбитые черепа, из которых победители выжрали мозги. И не приходилось долго раздумывать, чтобы понять, кто это сделал.

Нео.

Человекообразные гориллоподобные твари, отличающиеся недюжинной силой и практически человеческим умом, что делало их серьезными соперниками для людей, живущих в этом мире. Например, сейчас моим собратям по разуму крупно не повезло.

По хорошо сохранившимся следам я словно в раскрытой книге читал, что произошло. Обоз ехал. Большой, с охраной. Тащился себе не спеша мимо рощи, с виду совершенно безобидной – редколесье, насквозь меж деревьями все видеть, фиг в таком отряд спрячешь.

Но нео решили по-другому, грамотно оборудовав засаду. Сняли дерн с обеих сторон дороги, вырыли ямы, спрятались в них, соплеменники их сверху тем же дерном замаскировали и следы замели за собой. В метре мимо схрона пройдешь – не заметишь.

А когда отряд поравнялся с засадой, обезьяноподобные мутанты ударили с двух сторон. Охрана даже охнуть не успела, как была перебита. Обозники, кстати, может, и успели, но тут охай, не охай, а конец все равно один.

Жрали нео тут же, одновременно грузя добычу на туров – быков, мутировавших до своего далекого предка и используемых людьми в качестве тягловой силы. Причем двое или трое нео готовили еду, отрывая куски мяса от трупов, разбивая черепа и кости для того, чтобы извлечь мозг, – и раздавали соплеменникам, при этом не забывая и себя. А остальные работали. После чего, окончив перекус и погрузку, свалили с добычей.

Я почесал в затылке. По ходу, нео нехило продвинулись в военном искусстве и заметно поумнели. Далеко не все люди так слаженно и оперативно смогли бы организовать засаду и добыть кучу хабара. Да уж, похоже, многое изменилось в мире Кремля за то время, пока меня тут не было. Интересно, с какими еще сюрпризами я столкнусь, прежде чем отыщу слепого шама?

И один из этих сюрпризов не замедлил появиться.

Нео гребли все, что было более-менее ценного, но одну

телегу бросили – у нее ось сломалась. Скорее всего, какой-то лохматый воин на нее запрыгнул, вот колеса и встали «домиком», а задняя часть просела чуть не до земли. И я услышал, как под той телегой вроде кто-то хрипит...

Не в моих правилах оставлять в беде живое существо. Понимаю, что правила эти дурацкие, так как нет в Розе Миров места, где добро было бы не наказуемо, – но уж какие есть.

Подошел я к той телеге, присел, взялся за задник, поднадулся...

Была б она полная, не поднял бы. Но нео сгребли с телеги весь груз, посему получилось. С треском отвалилось одно колесо, и хрип сзади стал явственнее.

– Вылезай, нах, хорош там тусоваться, – сдавленным голосом проговорил я, понимая, что еще полминуты держать смогу, а дальше – извините. Телега была сделана из тяжелых досок, которые получают из деревьев-мутантов – а они, как известно, весят, словно железные.

Хрипы сменились кряхтением – из-под телеги кто-то лез. Тут мне пришла запоздавшая мысль: сейчас этот кто-то выползет – и ка-ак вцепится мне в ляжку, пока я к нему спиной стою! И это совершенно нормально будет: за добро карма прилетает обычно незамедлительно. Потому, когда кряхтение прекратилось, я телегу немедленно бросил и, схватившись за «Вал», отпрыгнул в сторону, готовясь стрелять в того, кого спас, если тот решит мною позавтракать.

Правда, оружие тут же опустил, потому что возле телеги,

тяжело дыша, стоял пацан лет четырнадцати-пятнадцати в камуфляже, заляпанном кровавой грязью. На ногах берцы, на голове капюшон, оружия нет, трясется от страха и холода. Понятное дело, то еще удовольствие на стылой земле валяться, прижатым тяжеленной телегой.

Я мысленно скривился.

М-да, не успел в чужой мир попасть, как сразу на мою голову свалился питомец. Теперь ищи, куда его пристроить, не бросать же мальчика посреди огромной кровавой лужи.

– Как звать и откуда? – спросил я.

– Здраваться не учили? – хмуро поинтересовался пацан. Голос юношеский, хрипловатый – то ли ломается еще, то ли не прокашлялся после лежания под телегой.

– А не пошел бы ты в пешее эротическое, – сплюнул я.

– Куда? – удивленно поднял густые брови спасенный.

– На хрен, например, – сказал я, после чего повернулся и собрался уходить. Куда – пока неважно. Найду кого вменяемого, без выпендрежа, спрошу, где я нахожусь и в какой стороне Зона ЗИЛ, обиталище шамов. Может, там отыщется нужный мне слепой мутант.

– Василий я, – прозвучало за спиной.

Я остановился.

– Из маркитантов, – последовала добавка. – От Зоны Трех Заводов в Кремль шли с грузом, но на полпути нео напали. Дядька Хмар сказал под телегу спрятаться, ну я и юркнул побыстрому. А потом...

Пацан всхлипнул.

Я обернулся.

Стоит, сопли на рукав мотает, того и гляди сейчас расплачется.

– Так, прекратить истерику, – рыкнул я. – Что случилось – то случилось, прошлого не вернуть. Лучше думай, как дальше жить будешь. Но это – потом. Сейчас мне надо знать, далеко ли мы от Кремля.

– Да верст пять будет, – сказал пацан – и прищурился: – А ты сам-то откуда? Потерялся, что ли, или головой стукнулся и забыл, куда забрел?

Мне на подколки тощего недоросля было плевать – пусть его маркитанты воспитывают. Или кремлевские. Или по фигу кто, лишь бы согласился его к себе забрать. Естественно, бросить пацана я не мог, но и нянчиться с ним в мои планы совершенно не входило. Кстати, насчет кремлевских – идея неплохая, им народ, помнится, всегда нужен был. Да и в Кремле реальнее разузнать про слепого шама, глядишь, кто слышал чего. Ну и друзей навестить, которые там остались, было бы неплохо.

– Пять верст, говоришь? – задумчиво пробормотал я, прикидывая расстояние по прямой от Зоны Трех Заводов до красной крепости.

Получалось, что мы сейчас находимся где-то в районе метро «Динамо» – хотя ничего похожего на большой стадион поблизости не наблюдалось. Правда, неподалеку маячил

неплохо сохранившийся комплекс угловатых зданий, в которых я, прикинув свое местоположение, распознал Боткинскую больницу. Интересно, с чего это маркитанты именно тут поперлись? По Ленинградскому проспекту не проще было?

О чем я Ваську и спросил.

– Совсем, что ли? – Пацан сделал круглые глаза. – По Ленинградскому лихие люди шастают. Хорошо, если только отнимут все, что приглянется. А то и зарежут на мясо.

– Людоеды, что ль? – поморщился я.

– А кто тут не людоед? – пожал плечами пацан. – Разве что те, кто за красными стенами сидит. Так им зачем людей есть, у них и без того жратвы полно. Я че-то не пойму, ты не местный, что ли? Больно вопросы странные задаешь.

– Не совсем, – отозвался я.

– А откуда?

– Про переходящих слышал?

– Да ладно? – с придыханием проговорил Васька. – Правда, что ль, переходящий? Не брешь?

– Не имею такой привычки.

Пацан смотрел на меня с восхищением.

– А я и смотрю, странный ты какой-то. Ну, ты это... зла не держи за мой язык. Поганый он у меня, батька так говорил. Когда живой был...

Глаза Васьки заблестели, того и гляди заревет.

– Зла не держу, – сказал я. – Безопасную дорогу к Кремлю

знаешь?

– А то! – восторженно воскликнул пацан, забыв про слезы: надо же, сам перехожий у него дорогой интересуется! Когда человек чувствует себя нужным и полезным, это всегда воодушевляет. И хотя я вполне мог обойтись без проводника, пошел вслед за Васькой, следя, чтоб он в какую-нибудь яму не провалился или в аномалию не угодил... Впрочем, тут же не аномалии, а Поля Смерти, что порой намного хуже смертоносных сюрпризов Чернобыльской Зоны.

А вокруг были развалины. Некоторые старые, поросшие кустами и деревьями, появившиеся еще во время Последней войны, когда заокеанские боевые роботы штурмовали Москву после ядерной артподготовки. Ракет на столицу упало немного, щит противовоздушной обороны над городом был качественный. А вот затяжные бои на улицах повредили Москву знатно – биороботы, которых тут сокращенно зовут «био», тогда были оснащены серьезными средствами поражения и боеприпасов не жалели. Правда, у стен Кремля обломились и взять крепость не смогли, сколько ни пытались.

А дальше город разрушало время...

Все-таки двести лет прошло после той войны, и сейчас уже было не понять, что раньше находилось на месте большинства развалин. Хотя некоторые здания сохранились весьма прилично: одни – в основном старинные, потому что были построены на века, другие – по непонятным причинам, объяснимым лишь с одной точки зрения: мир Кремля – это

тоже одна огромная аномальная Зона, в которой могут случаться любые, даже совершенно необъяснимые вещи.

Пока мы шли, Васька по моей просьбе рассказывал новости.

– Нео совсем озверели, – жаловался пацан. – На людей настоящую охоту объявили. Недавно шайны не пойми как Купол прорвали, пошли на Кремль – но не дошли. Несколько больших отрядов нео их ночью перебили и сожрали. Прикинь?

– Хотя какая-то от них польза, – заметил я.

– Лучше ну ее к лесовику, такую пользу, – нахмурился Васька. М-да, зря я это ляпнул. У пацана только что нео родичей поубивали, а я – «польза»...

Дальше шли молча. Васька маленько впереди, я следом. Переговариваться можно, но неохота. Похоже, обиделся на меня пацан. Ну, тут уж ничего не попишешь, жрать захочет – перестанет. А в рюкзаке, что мне бармен дал, найдется, чем обиду заесть-запить.

Через некоторое время впереди замаячил Белорусский вокзал – вернее, то, что от него осталось. Местами обвалившиеся стены без крыш, в сохранившихся фасадах большие квадратные дыры на месте окон – где-то забитые досками, где-то заложенные бетонными обломками. Грустно, конечно, смотреть на такое, я ж этот красивый вокзал помнил прекрасно. И вот что от него осталось. Был памятник архитектуры, а стал печальный памятник давней войне, превратив-

шей прекрасный город в руины...

– Поганое место, – проговорил Васька. – Чет задумался я, свернуть надо было. Давай обойдем...

Но обходить было поздно.

Из развалин вышли люди, пять человек. Одеты кто как, вооружены тоже не фонтан. У двоих копыя в руках и топоры за поясами, у одного обрез двустволки, еще двое, правда, с автоматами – с нашим АК и американской М-16. Пока что стволы опущены вниз. Приznak не плохой, но и не особо хороший, поскольку поднять оружие – дело одной секунды.

– Далеко ль собрались, сердешные? – задушевно поинтересовался бородач с М-16. Судя по тому, что он говорит, а остальные молчат, – вожак.

– Лихие люди... – в ужасе прошептал Васька. – Те самые, с Ленинградского...

– Кому далеко, кому и рядом, – хмуро ответил я, прикидывая возможности «Вала». Далековато друг от друга стоят разбойнички, полукругом рассредоточились. И автоматчики – по краям того полукруга.

Грамотно. Пока я одного буду расстреливать, другой расстреляет меня. Будь я один, попробовал бы поиграть с ними в «догони меня пуля». Но рядом был Васька-сирота, которого и так судьба стороной обошла. Обидно будет, если погибнет в перестрелке.

– Что-то ты не любезный, человек прохожий, – проговорил бородач.

Голос у него был зычный, громкий, словно он густым басом в невидимую трубу орал. Небось потому и вожак – любого переорет. Может, мутант? Таких голосов у обычных людей не бывает. Не должно быть.

Думаю, все же бородастый был мутом, потому что от его раскатистого баса я оглох слегка и не слышал, как к нам с тыла подкрались еще двое.

Мне в бок ткнулся ствол, справа пискнул Васька, когда здоровый детина приставил ему нож к горлу.

– Ну, вот и все, – прошипел тот, что стоял позади меня. – Молись, коли умеешь, потому что у нас мясо закончилось.

– Кривой дело говорит, – кивнул бородач, подходя ближе. Теперь, кстати, он говорил нормальным голосом, отключив свой волшебный бас, от которого уши закладывало. – Нешто мы рукокрылы какие, чтоб живых людей без последней молитвы оставить? Читай давай, да побыстрее.

Пока он говорил, тот, что сзади, снял с меня «Вал» и довольно гыгыкнул. Хотя и с некоторым недоумением в голосе – по ходу, впервые держал в руках такое оружие.

– Глянь, старшой, какой ствол у него, – сказал доселе невидимый мне разбойник, убирая твердое от моего бока и делая шаг вперед – видать, был уверен, что никуда я теперь безоружный не денусь.

– Хороший ствол, – кивнул бородач, подходя еще ближе и на всякий случай держа меня на прицеле своей сильно не новой М-16. – За такое ружье их можно быстро зарезать,

без развлечений. Считай, купили они себе быструю смертушку...

– Погоди, старшой, как – без развлечений? – возбужденно проговорил широкоплечий детина, который нож убрал и сейчас зачем-то лез Ваське за пазуху. – Это ж девка, прикинь? А с виду пацан пацаном. И не смотри, что тощая как палка, сиськи у ней что надо!

И тут я краем глаза уловил, как Васька завел за спину обе руки, после чего раздался очень тихий щелчок, сильно напоминающий тот, что случается, когда кто-то взводит курок «нагана».

Бандиты были уверены, что мы и не подумаем сопротивляться: их семеро, нас двое, причем единственный из пленных, который может быть опасным, под прицелом трех стволов.

Но они серьезно просчитались.

Детина на щелчок среагировал, даже попытался назад отпрыгнуть. И у него получилось, кстати...

А дальше случилось жуткое.

Полотняные штаны бандита практически мгновенно потемнели, окрасившись кровью. А из широкого разреза ткани в области паха вывалился кусок плоти, немного похожий на изображение, которое хулиганы всех миров рисуют на заборах.

Все замерли.

Когда любой мужик видит такое, у него непроизвольно

возникает неприятный спазм ниже пупка, природный рефлекс организма, призывающий любой ценой не допустить подобного с ним!

А потом раненый закричал.

Страшно.

Не по-человечески...

Так верещит смертельно раненный заяц, пытающийся уползти от охотника... Дитина смотрел вниз, на свой пах, бессильно наблюдая, как из распоротой ширинки бьет в землю серьезная струя крови, причем не ослабляя напора, – и орал жутким, противоестественным голосом, от которого даже у меня на спине холодный пот выступил.

Но я на мгновение быстрее других пришел в себя, что понятно: пройдет та секунда, и нас с Васькой, или кто он там на самом деле, убивать за такое будут крайне медленно и максимально больно. Потому я резко ударил ближайшего бандита ребром ладони по острому кадыку, выхватил из рук захрипевшего врага свой «Вал» – и начал стрелять, одновременно смещаясь за спину противника, схватившегося за горло.

Это оказалось нелишним, так как бородач пришел в себя практически одновременно со мной и тоже вскинул оружие.

И даже выстрелить успел.

Но не попал.

В отличие от меня...

Бородатый наверняка был самым опасным в кодле, иных в паханы не выбирают. Потому я ему, прикрываясь хрипящим

бандитом, пуль пять или шесть в рожу всадил, не пожалев щедрой очереди и рискуя получить ответные подарки от его коллег по ремеслу.

И тут я тоже не ошибся.

Бородатый рухнул на землю с развороченной мордой, а по мне уже работали двое – один из АК, другой из обреза.

Очередь из «калаша» принял в себя тот, кого я по горлу пригладил. А второй, с двустволкой, не промахнулся, хренакнул с двух стволов. К моему счастью, дробью – пулю, думаю, мой навороченный бронекостюм с такого расстояния не выдержал бы.

А так меня тупо снесло с ног вместе с уже мертвым бандитом, поймавшим тушкой товарищескую очередь. Так мы и рухнули – я спиной на землю, плюс труп сверху на мне, что, впрочем, оказалось очень кстати, так как «Вал» я не выронил, продолжая работать из него даже в таком неудобном положении.

Автоматчика я снял очередью поперек груди, по-другому не вышло. Причем он, паскуда, успел пройтись из своего АК по прикрывавшему меня мертвецу, расколов его череп и забрызгав мне лицо чужими мозгами. Пришлось дыхание задержать, чтоб эту мерзость в себя не вдохнуть вместе с косянкой крошкой, – и почти срубить с плеч голову бандиту с обрезом, всадив в шею врага три пули.

А потом у меня дыхалку перебило, так как двое копеещиков метнули в меня одновременно свои дрыны с остры-

ми железками на концах. Вернее, в своего кореша, лежавшего спиной на мне и уже частично превращенного пулями в фарш.

Швыряли они свои копья неплохо. Метко и с нечеловеческой силой. Оба пробили труп насквозь и саданули меня в грудь и в живот.

Есть такая штука, как броневое поражающее действие, когда, например, пуля броню не пробила, но сила ее удара причинила цели серьезный ущерб. От такого и кости ломаются, и органы разрываются, и если хорошо попадет, сдохнуть можно так же, как и от проникающего ранения.

Копья мой навороченный броник, конечно, не повредили, но дыхалку сбили конкретно, аж искры в глазах заплесали. Сквозь те искры я увидел, как копейщики синхронно выхватили топоры из-за поясов и ринулись ко мне.

Одного я снял на бегу, всадив ему в брюхо несколько пуль... и тут у меня закончились патроны.

Чудес в бою не бывает. Для того чтобы скинуть с себя мертвеца и вскочить на ноги, нужно время, две-три секунды, не меньше. А разбойник с топором – вот он, в пяти шагах, несется на меня, глаза выпучены, пасть с гнилыми зубами раззявлена, топор над башкой занесен. И варианта два – дернуться и получить заточенной железкой не между глаз, а на пару сантиметров в сторону, что, в общем-то, без разницы. Или же расслабиться и принять неизбежное как должное. Топором со всей дури в череп – думаю, это не больно.

Как свет выключили. Щелк – и привет, Фыф, Настя, Рудик, Рут, давно не виделись...

Все это пронеслось у меня в голове быстрее, чем я глазами моргнул, стряхнув с верхних ресниц на нижние мелкие кровавые капельки. А когда веки вновь поднялись, урод с топором уже не бежал, а стоял, одной рукой держась за топор, а другой за дыхалку, которая булькала, как закипающий самовар.

А потом у него из-под пальцев брызнуло, как несколько секунд назад у его кореша из штанов. Кровищей. Правда, в две струи. Так бывает, когда и горло, и обе сонные артерии перерезаны.

Еще не понимая, что происходит, я резко сбросил с себя мертвеца, вскочил на ноги... и понял, что дальше можно особо не торопиться.

Бандит с перерезанным горлом грохнулся на колени, а позади него стоял Василий...

То есть стояла.

Капюшон сбит назад, ранее затянутые в пучок светлые волосы теперь рассыпались по плечам. Сомнений уже не было – это барышня, которая весьма удачно косила под пацана. И в руке у той барышни был зажат кривой складной нож, похожий на коготь хищной птицы.

Знакомый ножик. Так называемый «мичуринец», нож садово-санитарный, двойного назначения. И ветки подрезать, и одежду у раненого бойца распороть, не травмируя тела. На

старых военных складах таких ножей должны быть десятки тысяч, так как они входили в комплект укладки СМВ – Сумки Медицинской Войсковой, начиная со времен РККА и до конца 80-х годов прошлого века. Удобный, неубиваемый резак с мощной пружиной – ею девица и щелкнула перед тем, как одним движением отмахнуть бандиту его хозяйство. И вот этому, с топором, горло перерезать от уха до уха. Не иначе, училась владеть именно таким неприметным ножом, которым удобно не только одежду на раненых распарывать, но и наносить страшные ранения.

Я утер рукавом чужие мозги с лица и неторопливо сменил магазин, так как стрелять пока что было не в кого. Хотя как знать, что на уме у этой воинственной девы, которая стояла и смотрела на меня огромными глазищами, от адреналина они у всех девушек больше становятся. Это мы от него щуримся – наверное, чтоб целиться лучше, а противоположному полу, по ходу, природой заложено в экстремальной ситуации видеть как можно больше – чтобы потом было что рассказать подружкам, не иначе.

Я усмехнулся собственным мыслям. И поинтересовался:

– Звать-то тебя как, Василий?

– Васькой и звать, – хмуро ответила девушка, вытирая об одежду окровавленный нож. – Просто Василиса – длинно. Пока в бою позовешь, два раза убить могут.

– А как бой, так сразу тебя звать надо? – хмыкнул я.

– Зря смеешься, перехожий, – отозвалась девица. – Я в

клане среди Охотниц на Испытании уж три года как первая, никто меня обойти не мог.

– Это очень круто, наверно, – сказал я, досылая патрон в патронник. – Ну а под парня чего косила?

– Чтоб не приставали. Дядька Хмар взялся чужой обоз сопровождать – он лучший проводник в Зоне Трех Заводов – и меня взял с собой. А тут нео... И эти...

Она кивнула на трупы бандитов.

Не сказать, что я ей поверил, но, с другой стороны, какая разница? Если б не она, вон тот придурок сейчас бы с моего трупа навороченную снарягу стаскивал.

– Благодарю, – сказал я.

– За что? – совершенно искренне удивилась Василиса.

– За то, что жизнь мне спасла.

– Ха! А ты мне ее не спас, когда всех троих положил? Много бы я навоевала с этим ножичком.

– Принято, – согласился я. И, кивнув на нож, одобрил: – Хороший.

– Замечательный! – улыбнулась Василиса. – Я сама его в бункере на старом складе нашла, еле от масла оттерла – оно прям окаменело от времени. Прикинь, нож двести лет пролежал, и ничего ему не сделалось! Словно меня ждал! Настоящее чудо!

Я хотел сказать, что в советской консервационной смазке он бы еще двести лет на том складе провалялся, и ни фиги б ему ничего не было, ибо смазка та, и правда, от времени

густеет, и получается нож словно запечатанным в кокон, с виду похожий на ком слипшейся грязи. Но не стал. Языками чесать и на ходу можно, а сейчас надо было с хабаром разобраться.

– Стрелять умеешь? – поинтересовался я.

– Спрашиваешь! – хмыкнула девица. Подобрала АК убитого бандита, ловко перехватила оружие, отомкнула магазин, проверила, еще два магазина вытащила из бездонных карманов убитого. Похоже, и впрямь с оружием знакома.

И со сбором хабара – тоже.

Василиса ловко и быстро обыскала трупы, в результате чего были найдены две советские консервы, кусок чего-то похожего на хлеб, три фляги с водой, сломанная зажигалка идохлая вяленая крыса без головы и хвоста, бережно завернутая в тряпку.

– Хороший хабар, – кивнула Василиса, сложив добычу в холщовый вещмешок одного из бандитов. После чего откусила солидный кусок крысятины, остальное протянула мне: – Будешь?

Я, конечно, был голоден. И, конечно, в своей жизни кушал всякое. Но по возможности предпочитал обходиться без экспериментов.

Особенно в мире Кремля.

Тут же как в Индии. Местные индусы запросто пьют воду из Ганга, куда без каких-либо ограничений сбрасывается дерьмо, останки трупов и отходы предприятий. А турист

хлебнет такой водички – и запросто в лучший мир отъедет.

Тут – то же самое. То, что едят местные, нужно кушать с большой осторожностью. И уж точно не крысу-мутанта, мясо которой имело подозрительный фиолетовый оттенок.

– Благодарю, воздержусь, – сказал я.

– Как хочешь, – пожала плечами девица. – Мне больше достанется.

И пока мы шли по направлению к «Маяковской», с аппетитом доточила крысу.

Кстати, памятник пролетарскому поэту сохранился отлично. Возможно, потому, что его накрыло огромное Поле Смерти. Это аномалии местные, встречающиеся разных цветов и отличающиеся свойствами. Плотоядные, естественно, – кто ж в этом мире друг друга не жрет? Да и в других, в принципе, тоже.

Куполообразная аномалия, которая обволокла памятник, выглядела необычно. Полей Смерти с золотистым оттенком я еще здесь не видел. От нее лился мягкий, приятный свет. Хотелось подойти и потрогать поверхность Поля, которая казалась бархатистой и очень приятной на ощупь.

Внутри этой полупрозрачной субстанции поэт выглядел эпично – его фигуру словно обвивали жгуты из тяжелого жидкого золота, которые стекали вниз, по постаменту, и уходили в землю, покрытую черной травой.

– Красиво, – заметил я.

– Ага, – согласилась Василиса. – Только близко лучше не

подходить. Это Поле стреляет жгутами, утягивает в себя и, выпив все соки, выкидывает сухую шкуру. Гляди.

Я присмотрелся.

Действительно, возле памятника в грязи валялись смятые и рваные клочья кожи и обрывки одежды. Костей не было. Видимо, Поле Смерти не только соки выпивало, но и выжирало жертву изнутри.

– Да уж, – сказал я. – Наглядная картинка к пословице «Красота требует жертв».

– Чего? – не поняла Василиса.

– Неважно, – сказал я.

И удивился, кинув взгляд на девушку.

Она казалась невзрачной с самого начала нашего знакомства. Из-под телеги вылез тощий парень, похожий на серую полевую мышь. Никакой. Лицо совершенно незапоминающееся. Встретишь такого через неделю знакомства – и не вспомнишь, что уже виделись.

Когда выяснилось, что Васька не парень вовсе, а девушка, – мало что поменялось. Ну, волосы красивые, густые, волнистые из-под капюшона выбились, которые после заварушки девушка тут же убрала обратно. Но с одними волосами красавицей не станешь, если у девицы лицо, которое, стоит отвернуться, тут же забудешь. Не фиксируется оно в памяти, бывает же такое.

А тут глянул – и взгляд невольно зацепился за губы, которые, оказывается, довольно полные, с красивым изгибом.

И овал лица приятный, и глаза цвета чистого неба, оказываются, большие, с длинными ресницами...

Блин, наваждение какое-то. Куда я раньше-то смотрел? Хотя понятно куда – вокруг. Чтоб никакая тварь сожрать меня не попыталась. Да и потом – не до разглядываний спутника было, нет у меня интереса на мужиков пялиться. Тут же невольно задержал взгляд – и Василиса это, естественно, заметила, девчонки всегда такое замечают. Улыбнулась краем рта, не отвернулась. М-да, однако... Вот уж не думал, что могу кому-то понравиться с небритой и немытой рожей, местами забрызганной присохшими чужими мозгами.

– Кстати, лет тебе сколько? – поинтересовался я как бы между делом.

– Мы зимами года меряем, – отозвалась девушка. – Зиму пережил – считай, заново на свет народился, можно своей жизни новый отсчет вести. Той зимой девятнадцать стукнуло. А с чего такой интерес, перехожий?

– Неважно, – нахмурился я. Еще не хватало, чтобы подумала, будто я на нее глаз положил. Вот доведу до красных стен, сдам ее кремлевскому начальству с рук на руки, и пусть дальше они сами с ней возятся, ибо воспитатель юных дев из меня архихреновый.

Между тем смеркалось, надо было подумать о ночлеге. До Кремля засветло дойти не успеем сто процентов. Это по старой, довоенной Москве можно было сделать запросто, перебирая ногами по чистому тротуару. Сейчас же он сохранил-

ся лишь незначительными растрескавшимися фрагментами, выглядывающими из куч мусора, что скопился за двести лет на улицах города. Вернее, его руин, так как целых зданий тут практически не осталось.

Полуразрушенный дом слева показался мне более-менее надежным убежищем. Окна одной половины здания кто-то забил досками, почерневшими от времени, а во вторую половину пару столетий назад врезался подбитый танк с сорванной башней – да там и остался навеки, похороненный под обломками стены, рухнувшей на него.

Пару досок я отодрал, и мы влезли внутрь. Тусклый солнечный свет пробивался сквозь дыры в верхнем перекрытии, которое чудом не рухнуло – строили в те времена знатно.

Комната, в которой мы оказались, была завалена старым хламом – разбитый и полусгнивший шкаф, обломки тумбочки, колченогий стол, останки телевизора, который кто-то зачем-то разбил на части. А еще там была большая старая кровать с отломанными ножками, которая стояла прямо на полу. Зачем у нее подпорки выдернули, тоже оставалось загадкой истории... Стало быть, так кому-то было надо.

Кучи ссохшегося дерьма по углам не оставляли сомнений – здесь жили, но давно, так как дерьмо уже высохло и не воняло. Пахло тлением, сыростью, плесенью – но это были нормальные, знакомые запахи, к которым я еще в Зоне привык давным-давно, а привычное со временем перестает считаться неприятным.

– Годное место для ночевки, – сказал я, прикидывая, откуда могут сюда вломиться враги. Получалось, что только через дыру, в которую мы влезли – выход из комнаты загораживал облезлый бок танка... Если кто с улицы надумает нас навестить, стрелять придется только в одном направлении.

– Ага, – согласилась со мной Василиса. – Странно, что никто мебель не сжег.

– А это идея, – хмыкнул я. – Окно пока тряпкой занавесь, а я костром займусь.

Через четверть часа в комнате стало тепло и светло. Обломки старинной мебели горели замечательно, дым уходил вверх через дыры в перекрытии, а в костре разогревались две банки с тушенкой, которыми снабдил меня бармен в «Янове».

– Романтика, блин, – усмехнулся я.

– Чего? – переспросила Василиса.

– Хорошо, говорю.

– Наверно, – пожалала она плечами. – Иногда не пойму тебя.

Вроде по-нашему говоришь, а вроде и нет.

Ясно. В этом мире слово «романтика» забыли. Ну и правильно, наверное. Лишнее слово. Когда выживать надо, всякая посторонняя ерунда из прошлого быстро забывается.

С голодухи тушенка зашла как отборный деликатес. Понятное дело, разве крысой наешься? Василиса свою банку опустошила быстрее меня – вроде тощая, и куда в нее лезет? Хотя...

Я почесал подбородок, проморгался – может, зрение меня обманывает или свет от костра так картинку искажает. Вроде худышка рядом со мной сидела, а пригляделся – да нет, все у Василисы на месте. Камуфлю расстегнула, жарко – а под ней бюст прям торчком стоит. Да и задница довольно круглая, на которой она сидит прямо на полу, поджав под себя ноги по-турецки...

Я нахмурился, недовольный собой. Не дело так на девчонку пялиться, которая к тому же серьезно младше тебя. Может понять не так, обидится еще...

– Нравлюсь? – спросила Василиса.

И посмотрела на меня так, как девятнадцатилетние девушки не смотрят. Оценивающе. И одновременно выжидающе: мол, долго еще сидеть собрался, как бы между делом скользя взглядом по моим формам? А как тут не скользить, когда оно такое все, выпирает отовсюду...

– Нравишься, – честно сказал я.

– Ну так чего сидеть, время терять? – пожала плечами девушка. – Давай разденемся, что ли. Я голая люблю этим заниматься. Так слаще.

Бывают предложения, от которых не отказываются. Если кушать хочешь, а тебя к столу зовут, можно, конечно, ради приличия сделать вид, что еда тебя не интересует. Но зачем? Глупо же, верно? Разве только в случае, если предлагают то, что ты жрать не будешь, даже подыхая с голодухи. Ну, а коль оно все аппетитно настолько, что голова кружится, – почему

бы и нет?

...Секс на ворохе гнилых, вонючих тряпок – так себе удовольствие. Если сыт. А когда у тебя его не было черт знает сколько времени – в самый раз. Тем более, если партнерша тебе подходит.

А она – подходила. Идеально. Так, что только начали, и я улетел сразу. Не думал, что подобное удовольствие возможно от обладания другим человеком. Будто пазлы сошлись, словно ключ в свой замок вошел, а не как до этого, когда чужие открыть пытался. Да, до этого тоже бывало хорошо, порой даже очень.

Но не так, как сейчас!

Это было что-то невообразимое, которое словами не передать. Все тело рвалось навстречу этому новому наслаждению, когда не замечаешь ничего, а словно плывешь в ревящем потоке, сливаясь с ним полностью, сам становясь этим потоком и где-то краем сознания ловя, что этот рев – твой! И заткнуться бы, потому что не в своем домике у речки кайфуешь, а в очень опасном месте... Но – никак, и ты бьешься в экстазе, вбивая в старую кровать это упругое, но в то же время податливое тело, и боишься лишь одного – что это нереальное наслаждение когда-нибудь завершится...

Но все хорошее, как известно, все же заканчивается. Я и сам, признаться, чуть не скончался, когда меня сотрясло так, словно я пулеметную очередь своей тушкой поймал...

А потом мы лежали рядом, не в силах пошевелиться, – не

знаю как она, а я так сто процентов. Весь на трах изошел и сейчас валялся, ощущая себя той самой пустой оболочкой возле памятника, которую видел недавно...

– А ты ничего, – произнесла Василиса. – Выносливый. Может, еще разок?

– П-попозже, – слегка заикаясь, проговорил я. Тут нижнюю челюсть непросто повернуть, чтоб ответить, а она на второй раз нацелилась! Хорошо, что у кровати ножек не было, а то бы мы их точно переломали, что в процессе соития штука крайне неприятная. Особенно такого. Хотя глядя на то, как она, голая, встала с кровати, вытащила из моего рюкзака флягу и начала пить, запрокинув голову и подчеркнуто выпятив все, что при этом выпятилось, я почувствовал, как у меня внизу живота вновь зашевелился интерес к этой девушке. При этом я был уверен, что от второго раза точно сдохну, но, с другой стороны, один раз живем, была не была!

– Ладно, не напрягайся, – сказала она, кладя флягу обратно, накидывая камуфлированную куртку и присаживаясь на корточки возле почти потухшего костра так, чтобы видеть меня. – Ты и правда крепкий мужик. Большинство не выжили.

– От секса с тобой? – удивился я, приподнимаясь на локте – откуда только силы взялись?

– Ага, – равнодушно произнесла она. – Дар мне выпал такой. Башню от меня у мужиков срывает, как у этого танка, что в доме застрял. Зато те, кто выжил, точно не забудут. И

ты в том числе.

Костер отбрасывал длинные, резкие тени, пляшущие не только на обшарпанных стенах с остатками обоев, но и на лице девушки. И казалось, что оно постоянно меняется, плывет, словно нечеткая голограмма, и сколько ни вглядывайся – не уловить черт лица, ибо как разглядеть то, что зыбко, словно пустынный мираж...

– Ты мутант? – прямо спросил я.

Она не ответила, протянув руки к костру, – и пламя отстранилось от нее, словно огненно-рыжий кот, решительно не желающий, чтобы его гладили.

– Что такое мутант? – спросила она.

Я хотел ответить, но она перебила:

– Это тот, кто изменился? Стал другим? Не таким, как были те, кто погиб в Последней войне?

Я кивнул. Мутанты, конечно, разные бывают, в том числе и рукотворные. Но в целом ее определение подходило.

Она покачала головой, горько усмехнувшись.

– Тебе не понять, переходный. Все мы здесь мутанты. Даже те, кто пока не знает об этом. Я о себе узнала в девять лет, когда ударила здорового мужика, который решил, что пора меня сделать бабой. Зло ударила, сильно, потому что не люблю, когда меня лапают без моего разрешения. И грудину ему пробила насквозь, так, что аж пальцами почувствовала его позвоночник. Никогда этого не забуду. Я трогаю мокрую суставчатую кость и чувствую, как мне в локоть бьется жи-

вое сердце. Тогда я со страху пихнула его рукой, и оно остановилось. Я потом мужика того на его же нож насадила, чтоб выглядело, будто он сам на него упал. Вроде поверили – детская рука тонкая, а нож был большим, гораздо больше члена того уроды. Раз в пять, наверно, а может, и больше.

Она снова замолчала, заодно прекратив попытки погладить неприветливый костер, но тот все равно горел так, словно от Василисы в мою сторону дул ветер. Думаю, был бы он живым, точно уполз бы от нее подальше.

Да уж, везет мне на девок-мутантов. Судьба, вероятно, такая – подобное к подобному тянется...

– И ты – мутант, – сказала она. – Иначе б со мной не выдержал. Вижу, что хочешь еще. И я хочу. Но не надо. Умрешь. Даже мутанты второй раз не выдерживают. Так что лучше спи.

И тут я почувствовал, как меня накрывает теплая, мягкая волна, приятная и уютная настолько, что хочется в нее завернуться, уткнуться лицом и больше не шевелиться. Противиться этому было невозможно, хотя где-то билась в голове заполошная мысль, что неестественно это все, что не меня рубит от усталости, а срубают меня вопреки моей воле...

Но сил противиться нереально приятной волне не было, да и не хотелось, потому что и вправду устал я, как крысособака. Я и не стал – и меня мгновенно унесло далеко-далеко, туда, где нет грязного и опасного мира вокруг, вонючих тряпок поверх кровати и дырявого потолка, сквозь который

заглядывают в наше убогое убежище любопытные звезды...

* * *

Я проснулся мгновенно. В какой бы из миров ни закинула тебя судьба, но сталкерская чуйка, хорошо натренированная в Чернобыльской Зоне, всегда с тобой. Вот и сейчас меня будто изнутри толкнуло: опасность!

Василиса лежала рядом. Спала, как кошка, свернувшись калачиком. И не скажешь, что мутант, девчонка и девчонка, такая же, как тысячи других.

Но сейчас мне было не до нее.

Через дыры в потолке проникал скудный утренний свет — видимо, солнце только взошло и лишь частично разогнало ночной мрак.

Но не только хилые лучи проникали сверху в наше убежище.

Там, над нашими головами, шевелилось что-то, будто змея спускалась в комнату, проникнув сквозь пролом в перекрытии.

И не одна...

Их было несколько. Толстых, гибких, с широко открытыми пастьми...

Я толкнул Василису с кровати и сам кувыркнулся вбок...
Вовремя!

Две змеи ударили одновременно в то место, где мы ле-

жали мгновение назад, — и тут же взвились вверх, схватив лишь вонючие тряпки — которые тут же стряхнули с зубов, поняв, что добыча ускользнула. А сверху быстро спускались еще две, тусклые, стального цвета, с пятнами ржавчины на чешуйчатой поверхности.

Значит, это были не змеи.

Схватив «Вал», я выстрелил несколько раз...

Бесполезно. Пули с визгом отскочили от бронированной чешуи, и я еле ушел от удара еще одной пасти.

Хотя нет. Не пасти. Манипулятора с острыми стальными зубами, похоже, выдвижными. Удобно. Надо что-то прихватить понадежнее — выдвинутся чуть-чуть. А если убить кого-то понадобится, станут, как сейчас, длиной с мой указательный палец.

— Коллектор... — сдавленным голосом произнесла Василиса.

Понятно.

Помню такого биоробота. Собиратель запчастей и жратвы для заокеанских тяжелых боевых машин. Бронированный, очень подвижный паук с двенадцатью длиннющими ногами, внушительным стальным коробом под брюхом и четырьмя манипуляторами, свешивающимися с туловища, расположенного на высоте второго этажа. Твари довольно трусливые, однако с голодухи эволюционировали и научились заниматься самостоятельной охотой.

Теоретически можно было попытаться вылезти через ок-

но, но что-то мне подсказывало – этого делать не нужно. На открытом пространстве коллектор нас еще быстрее отловит, он на такую охоту и запрограммирован изначально. А тут манипуляторам было развернуться сложнее, вон как о стены шарахаются, пытаюсь до нас добраться.

Один из них нацелился на Василису, которая ловко увернулась, и манипулятор прямо в пол врезался, аж металл по бетону закрипел. Второму со мной тоже не повезло – я метнулся в сторону, и стальная пасть поймала массивный подголовник кровати, который тут же размоловило в щепки.

Но это не могло продолжаться вечно – я начал уставать.

И осталось только одно...

Ладонь пронзила привычная адская боль, и полумрак комнаты озарился сиянием цвета чистого неба.

«Бритва». Мой нож, который с некоторых пор прижился у меня в руке и вылезал наружу по моей мысленной просьбе, причиняя мне при этом нешуточные страдания.

Но когда стоит вопрос жизни и смерти – хочешь не хочешь, а пострадать придется...

Неожиданно появившееся освещение воодушевило манипуляторы – видимо, добычу они выслеживали примитивненько, с помощью встроенных глаз-видеокамер. Ну, все четыре манипулятора ко мне и метнулись, мешая друг другу. Видать, сильно робот оголодал, совсем соображать перестал с пустым биореактором.

Это меня и спасло от синхронного удара четырех сталь-

ных змей, толкающих друг друга от жадности.

Я упал навзничь, на спину, предварительно ее скруглив и прижав к груди подбородок, чтоб затылком о пол не треснуться, и стальные пасти пронеслись надо мной, обдав меня вонью гнилого сала – видимо, по причине отсутствия машинного масла робот вместо него научился использовать животный жир.

И тогда я ударил.

«Бритвой», со всей силы!

И мой нож, который умеет разрезать и любой предмет, и пространство между мирами, сработал на славу.

Одно щупальце, извиваясь, упало на пол, отсеченное напроочь. Два других «Бритва» повредила серьезно, прорезав примерно на половину толщины.

Этого оказалось достаточно.

Сверху раздался рев, словно я мамонта ранил. Оставшиеся манипуляторы, искря, взметнулись вверх и исчезли, после чего мы слышали гулкие удары, от которых слегка завибрировал пол, – это раненый биоробот убежал с поля боя.

Отсеченное щупальце дернулось еще пару раз – и замерло, похожее на располовиненную змею с раскрытой пастью. Я поднялся на ноги, стиснул зубы и, пережив возвращение «Бритвы» обратно в руку, смахнул со лба выступившие капли пота. Может, в Кремле найду мастера, который нормальные ножны для моего ножа сделает, а то ж уже прям сил нет, до чего это больно, когда «Бритва» то из моей руки вылеза-

ет, то обратно туда лезет!

– Я ж говорила, что мутант, – сказала Василиса, проследив взглядом путешествие моего ножа в меня. – И это хорошо. Потому что если б ты им не был, сегодня это был бы наш последний рассвет.

– Твой, – поправил я, поднимая с пола свой «Вал» и проверяя, цел ли он после падения. – Ты ж в случае, если б я был не мутант, должна была меня затрахать до смерти.

– Тогда мой, – невозмутимо пожала плечами она. – Но если ты жив и выпался, то, думаю, можно это дело отметить.

– Ну уж нет, на фиг, – пробормотал я, чувствуя, что еще не пришел в себя после вечернего марафона. Умереть от секса – перспектива, конечно, заманчивая, но не за этим я пришел в мир Кремля.

– Уверен? – улыбнулась Василиса, делая шаг ко мне.

Я поднял взгляд на нее – и понял, что не уверен... Потому что ко мне шла девушка, поразительно похожая на ту, которую я очень постарался забыть. Нет, не одно лицо, разумеется, но глаза, губы, фигура, походка... И как я раньше не заметил, что Василиса так похожа на...

– Уверен? – повторила она, приблизившись ко мне вплотную и скидывая камуфлированную куртку...

Тысяча кутрубов, как же она похожа на Марию! А я был уверен, что полностью выжег ее из своего сердца, – и вот передо мной снова она, желанная до того, что воздуха в груди не хватает, и вдохнуть тяжело, так как горло перехватило...

– Не бойся, сейчас не буду пить твою жизненную силу, – прошептала она, нежно касаясь пальцами моей груди и неторопливо опуская ладонь ниже... – Ты и правда спас меня, и за это я отблагодарю тебя так, как умею только я...

Но тут я почувствовал нестерпимый жар в руке, куда спряталась «Бритва». Мой нож снова предупреждал меня об опасности, а у него чуйка покруче, чем у любого сталкера-ветерана...

И этот жар привел меня в чувство.

– Тормози, оборотень, – прохрипел я, делая шаг назад. – По ходу, не такая уж ты беспомощная, какой хочешь казаться. Чего тебе надо от меня?

Она усмехнулась.

– Ну, ты вроде меня в Кремль отвести собирался.

– Я туда пацана-сироту обещал доставить, а не перевертыша-псионика, умеющего принимать чужое обличье.

– Ладно, как хочешь, – сказала она – и принялась одеваться. И куда делась ее схожесть с Марией, ее красота несказанная, на которую я так запал вечером? Обычная девчонка с неплохой фигурой, хотя бывают и получше.

– Спасибо за комплимент, – сухо проговорила она. – Считай мою способность макияжем – ведь так в вашем мире называют умение красить морду, чтобы мужикам нравилось? Только мой получше будет, чем краска и тушь. Прощай.

И ушла, откинув рваную тряпичную занавеску и выскользнув через окно. Я же сел на останки кровати, по-

дождал немного, пока перевозбужденное воспоминаниями сердце перестанет колотиться, оделся, доснарядил магазин «Вала», сожрал холодной последнюю банку тушенки – и тоже вылез наружу. В мир Кремля, который будет поопаснее любой Зоны отчуждения моего мира.

* * *

Страшна своим запустением Чернобыльская Зона – особенно район Припяти, где панельные девятиэтажки смотрят тебе прямо в душу выбитыми окнами и беззвучно кричат пустыми проемами подъездов, лишенных дверей. Там все поросло деревьями, мхом, больной серой травой и унынием, которое, кажется, висит в воздухе подобно ядовитому радиоактивному облаку.

Но Москва после ядерной войны – страшнее. Тут здания много лет назад будто в ярости грыз кто-то огромный, отхватывая гигантской пастью целые куски стен, проламывая их мощными лапами, снося таранными ударами мускулистого корпуса... А потом это все проросло корявыми деревьями, растрескалось, много где разрушилось, обвалившись бетонным крошевом, и лишь торчащие прутья ржавой арматуры напоминали о том, что этот холм, покрытый мхом цвета крови, когда-то был домом, где жили люди...

Но меня все это не трогало. Насмотрелся в те дни, когда мотался по разрушенной столице, преследуя какие-то цели,

о которых уже и позабыл слегка, – старые проблемы смазываются в памяти под пулеметной очередью новых, которые в моей жизни, похоже, никогда не закончатся.

Я шел по разрушенному городу и думал о том, что увидел сегодня утром. Нет, не о псионике, который влез в мои мозги, раскопал там старые воспоминания, а потом натянул на себя чужой образ – сделал так, чтобы я увидел то, что втайне очень желал увидеть. Причем втайне от себя. Есть у меня одна удивительная способность – я быстро забываю то, что мне не требуется. Наверно, просто мой организм не любит, чтобы на чердаке скапливался лишний хлам, и довольно быстро вышвыривает его оттуда, чтоб не захламлять полезное пространство.

Вот и образ Марии потускнел за то время, что я ее не видел, стал блеклым, расплывчатым. Я был уверен, что уже не помню ее лица, тем более что в последнюю нашу встречу она уже была не человеком, а монстром, в которого ее превратила эта вселенная...

Но псионик напомнила. Вытащила из затаенных уголков памяти и ткнула меня носом – на, мол, получай то, чего больше всего на свете желаешь. Вернее, ту.

Нет. Бред крысособачий. Мария выбрала другого – и это только ее решение. Значит, так тому и быть. А то, что осталось во мне от старого чувства, так это, думаю, не что иное, как уязвленное самолюбие: как же, не меня выбрала, а здорового кремлевского дружинника, из тех сверхлюдей, ко-

торых специально вывели до Последней войны! Эти совершенные биологические боевые машины с эталонными лицами, словно вырезанными из камня, любую девчонку с ума сведут – так что ничего удивительного.

Впрочем, как я понимаю, вряд ли что-то путное из той любви вышло. Мария превратилась в чудовище, дружинник Данила поклялся ее найти и защищать всеми силами, а если потребуется – и жизнь за нее отдать. Им, дружинникам, это запросто, их на то и программировали, чтоб обороняли до последней капли крови то, что прикажут оборонять.

Я усмехнулся своим мыслям. Ну да, сейчас во мне вновь говорит обида самца, от которого самка ушла к другому. Глупо. Давно пора уже отпустить старые чувства и воспоминания. Да я и был уверен, что отпустил, если б не сегодняшнее утро...

Так я и шел себе вперед, гоняя невеселые мысли. Но Москва, пережившая ядерную войну и последующее нашествие вражеской армии, не лучшее место для неспешных прогулок. О чем мне напомнили довольно быстро.

– Хомо! – раздался рык из-за полуобвалившейся стены дома, и я еле увернулся от обломка бетона, пущенного мне в голову с нечеловеческой силой.

– Хитрый хомо! – рыкнули с другой стороны улицы, и на этот раз мне пришлось упасть и перекатиться, иначе б две стальные арматурины, пущенные на манер копий, проткнули меня насквозь.

Ясно, чего ж тут неясного. Это были нео, человекообразные, гориллоподобные и вполне себе разумные обитатели этих мест. «Новые люди», как они себя называли, – а по мне, так не новые, а вполне обычные, в результате мутаций деградировавшие до наших лохматых пещерных предков, от которых им досталась силища и ловкость. При этом они практически полностью сохранили человеческий разум и речь, в результате превратившись в совершенное биологическое оружие.

И сейчас эти твари банально на меня охотились. Организовали засаду по обе стороны неширокой улицы, и если бы я еще пару секунд поразмышлял об оставшейся в прошлом неразделенной любви, мой теплый труп уже б тащили к костру для прожарки с последующим поеданием свежатинки.

Плохо было то, что я нападающих не видел. Слева вдоль улицы тянулась череда полуразрушенных зданий с черными проемами выбитых окон, справа то же самое. Хуже нет, когда противник в курсе твоего местонахождения, а ты понятия не имеешь ни о его дислокации, ни о численности нападающих...

От кирпича, летящего в затылок, я увернулся чисто на интуиции и даже успел выстрелить по тени, мелькнувшей в черном провале окна. Которую задел, судя по хриплому взвизгу, но не убил.

Что изрядно разозлило нападающих.

– Не убивать! Живым брать! – взревел кто-то внутри зда-

ния, и эхо гулко отразилось от стен, усилив зловещий эффект приказа. Значит, не только кушать собираются, но перед этим еще и помучить. Хреново.

И я рванул вдоль улицы, «качая маятник», то есть бросаюсь из стороны в сторону, чтобы тем, кто собирается меня оглушить, метнув дубину или обломок подоконника, было сложнее в меня попасть.

Увы, я жестоко ошибся, недооценив своих противников, которые именно этого и добивались.

Внезапно сверху раздалось громкое:

– Давай!

И на меня упала сеть, состоящая из тончайших, практически невидимых нитей. По ходу, нео натянули ее между домами, и когда я пробежал под ней, синхронно отпустили.

Для бегущего человека такой неожиданный сюрприз – вещь неприятная. Естественно, я моментально запутался и, не успев затормозить, упал, вдобавок «Вал» чуть не выронил. Хотя он мне ничем не помог. Обмотанный сетью ствол особо не повернешь, а нео уже неслись ко мне со всех сторон огромными прыжками. Всех мне точно не завалить, а два-три убитых сородича серьезно разозлят остальных, за что меня наверняка прям на месте разорвут.

Мелькнула, конечно, мысль воспользоваться «Бритвой», по-прежнему покоившейся у меня в руке, даже кончик клинка немного высунулся из ладони. Разумеется, своим суперножом я бы с сетью справился, но вот с толпой нео – точно

нет. Потому оставалось только одно: расслабиться и ждать подходящего шанса.

Что я и сделал.

Через несколько мгновений надо мной нависла толпа мохнатых, экстремально вонючих туш.

– Хомо, – сказала одна из них. – Тощий. Невкусный.

Я прям готов был расцеловать эту обезьянью харю за такие слова. И уже собрался было рассказать ее соплеменникам, что я еще и радиацией отравленный, и что если меня скушать, можно потом на светящийся понос изойти...

Но здоровенный нео, по ходу вожак стаи, безапелляционно заявил:

– Нормальный. Соль есть, крыш-трава есть. Брюхо хомо выпотрошим, травой набьем, солью сверху натрем, на вертеле жарить станем – хорошо будет. Вкусно.

Спорить с вожаком я не стал – и так ясно, что бесполезно. И аргумент насчет моей возможной радиоактивности им точно пофиг будет: если они в Поля Смерти залезают и сидят там, прокачиваются, то наплевать им на сталкера, отравленного Зоной. Сожрут и не почешутся, не такое жрали.

Вожак меж тем нагнулся, дернул нити сети и буквально выковырнул из мелких ячеек мой «Вал»; сопротивляться я даже и не подумал. Толку-то?

Позади вожака раздался скулеж. Громадный нео обернулся.

За ним со скорбной мордой стоял его соплеменник – по-

хоже, тот, кого я подстрелил. В лапе он держал, как мне показалось, кусок окровавленной шерсти величиной с раскрытую ладонь.

– Что? – рявкнул вожак.

– Великий Дрог, – проныл соплеменник. – Этот проклятый хомо, да поразят его небо и облака, да провалится он под землю...

– Короче! – проревел Дрог.

– Этот ничтожный кожаный червяк оторвал мне хвост из своей огненной трубы!

Морда вожака из яростной мгновенно стала глубокомысленно-озадаченной. Видно было, что он серьезно обеспокоен проблемой подчиненного.

– Весь оторвал?

– Весь! – ретиво выкрикнул раненый, горя жадой мщения.

– Показывай.

Нео повернулся. Ага, вот, значит, кого я подстрелил! Правда, не особо эффективно – лишь полхвоста пуля отмахнула. И кровотечение уже остановилось. Вот же регенерация у этих человекообразных, прямо позавидовать можно!

– Врешь ты, Урт, – нахмурил брови вожак. – Оторвал, но не весь. Корешок остался.

Стоявшие рядом соплеменники заухмылялись. Раненый обернулся, на морде растерянность и обида.

– Вот если б задницу совсем оторвал, большой ущерб ро-

ду был бы, – продолжал рассуждать Дрог. – Или то, что ниже, тогда совсем беда. А так ты теперь просто бесхвостый обезьян, ничего страшного.

Ага. Значит, друг друга они обезьянами называют – это нормально. А если кто другой такое произнесет – смертельное оскорбление. Часто встречающаяся политика двойных стандартов, причем во многих известных мне мирах.

Соплеменников после слов Дрога согнуло. Ржали все, кроме, разумеется, предельно серьезного вожака и Урта, который чуть не плакал и при этом еще и агрессивно оскалился. Видать, совсем от боли и ненависти разум потерял, потому немедленно получил громадной начальственной лапищей по оскалу, отчего кубарем покатился по растрескавшемуся асфальту, что вызвало еще больший смех соплеменников. Гоготали они зычно, разинув громадные желтозубые пасти, в любой из которых запросто поместилась бы моя голова.

Однако Дрог быстро пресек балаган, просто громко рывкнув – как из безоткатного орудия стрельнули, аж уши заложило. Нео хором заткнулись, мне даже показалось, чуть не по стойке «смирно» вытянулись.

Вожак обвел всех суровым взглядом, прорычал:
– Взять, нести.

И пошел себе вперед, держа в лапище мой «Вал» словно игрушку, абсолютно уверенный, что никто не осмелится нарушить приказ.

Подчиненные и не осмелились, даже Урт, периодически

вытирающий мохнатой лапой кровавые сопли. Взяли добычу – то есть меня, запутавшегося в сети, – и понесли куда-то вглубь нагромождения полуразрушенных зданий...

Происходящее нравилось мне все меньше. Меня тащили в какие-то развалины, причем по пути то тут, то там валялись обглоданные кости, лохмотья полуистлевшей одежды, в том числе и камуфлированной, обломки оружия, в том числе и огнестрельного. Ржавые, прогнившие насквозь, но все равно вполне можно было узнать в этих останках ствольные коробки и магазины наиболее популярных в мире автоматов. Как российских, так и иностранных.

Судя по всему, данное племя нео предпочитало кушать людей, причем целенаправленно их отлавливало. Один раз я заметил изуродованный страшным ударом шлем кремлевского дружинника, рядом с ним – рваная, покрытая коррозией кольчуга и фрагменты костей руки. Ясно. Убили, руку оторвали, сожрали тут же с голодухи, остальное в логово отнесли.

Кстати, вот и оно само, то логово – довольно прилично сохранившееся старинное трехэтажное здание. Вокруг ожидаемо осколки костей разбросаны, все ими усеяно – видать, очень любили обезьяны костный мозг высасывать. Если выживу, я долго еще буду вспоминать скрип этих осколков под мощными пятками нео...

Навстречу добытчикам из здания высыпал молодняк. Прямо скажем, дофигища молодняка – от пока еще неуве-

ренно передвигавшихся детенышей размером с крупную собаку до подростков, которые еще не полноценные нео, но уже и не мелочь, которая едва ходить научилась.

Завидели добычу, то есть меня, – и давай радостно орать, аж в ушах от их ора засвербило. На писк мелких спинोगрызов самки из дома повылезали, надавали орущим подзатыльников, принялись большой костер разводить. Принесли рогульки из арматуры высотой метра в полтора, воткнули в землю по бокам костра, который пока что не хотел разгораться, а лишь дымил. И вертел приволокли. Большой, черный от запекшейся крови. В землю воткнули рядом со мной, чтоб далеко не ходить.

Все это мне совершенно не нравилось. Но что тут сделаешь, если спеленат сетью, словно коконом? Даже «Бритву» не достать, правая ладонь, как назло, к ноге оказалась примотана насмерть...

Ко мне подошел довольно упитанный нео с большим поварским ножом, грубо откованным из какой-то железяки, и с грязным мешком, набитым вонючей дрянью. Ухмыльнулся, показав крупные желтые зубы.

– Будет больно, хомо, – сказал. – Но ты крепкий, выдержишь. Жарить хорошо, когда свежий, еще живой, да. Так вкуснее. Ты пасть открой, да? Надо крыш-траву тебе в пасть совать. Много, чтоб глотал. Глотать не будешь – зубы выбью. Глаза выковыряю и съем, еще больнее будет, да.

Свое «да» он говорил многозначительно, весомо. Убе-

дительно, мать его. И что делать в такой ситуации? Траву жрать?

Между тем пузатый повар воткнул нож в землю и начал распутывать сеть, стянувшую мне лицо, – а иначе как кормить сеном потенциальное жаркое? Делал он это неуклюже, рывками – и от одного из таких рывков у меня из-за пазухи выкатился шар размером с мой кулак. Красный такой, переливающийся, прозрачный, с завихрением в центре, напоминающим маленькую галактику. Бронекостюм-то у меня удобный, с виду на обычную одежду похож, можно спереди расстегнуть вдоль нагрудных пластин, если жарко, например. Правда, имеются у него и недостатки: если тебя в сеть ловят, бывает, что фиксатор за нити цепляется, и броник сам расстегивается, отчего теряются ценные артефакты.

Повар несколько секунд смотрел на шар, как африканский абориген на стеклянную бусину, которую до этого никогда не видел. Потом воровато посмотрел по сторонам, схватил, зажал в лапище – и тут же заорал, затряс конечностью, сквозь которую невиданный предмет вывалился, словно та была слеплена из жидкого теста.

В лапе нео теперь зияла дыра, хлестала кровища. А артефакт, который я нашел в Чернобыльской Зоне и назвал «кровью затона», неторопливо так подкатился ко мне и ткнулся в плечо. Интересно. В том месте, которого он коснулся, опутавшая меня сеть просто исчезла. Одежда цела, а сети нет. Бывает же.

Нео обалдело смотрели на соплеменника, который орал и визжал, потрясая изуродованной лапой, а я потихоньку ерзал, извиваясь червем и подставляя под артефакт все новые и новые фрагменты сети.

Пока обезьяноподобные каннибалы разбирались, что произошло, я полностью выпутался из сети, поднял с земли «кровь затона», поднялся на ноги... и наткнулся на несколько десятков угрюмых взглядов, от которых почувствовал себя довольно неуютно.

Особенно неприветливо смотрел на меня Дрог, здоровенная мохнатая машина для убийства. Не иначе, вожак этой кодлы в Поле Смерти прокачался, так-то нео поскромнее размерами будут. И дубина у него в лапах под стать – целое дерево, вырванное из земли, только ветки и корни оторваны.

Понятное дело, если бы не «кровь затона» в моей руке, меня б уже разорвали на фрагменты либо вон той дубиной размазали в лепешку. А так стоят, смотрят, ждут, что вождь скажет.

А вождь думал. И, подумав, выдал:

– Ты кто?

Хотел я ему посоветовать глаза протереть, но не стал. Хамить главарю толпы нео хорошо с огнеметом в руках. А с голыми руками – лучше не надо.

– Снар, – сказал я, припомнив имя, которым меня когда-то называли в этой вселенной.

– Точно, это же Снар, богwormов! – заорал Урт. – Они его

казнили, но он вернулся из Края вечной войны и простил их – правда, перед этим многих убил, но потом простил. Это великий бог в облике хомо!

Чем пронзительнее и восторженнее орал Урт, тем более хмурой становилась физиономия Дрога. Понятное дело, его авторитет под вопли соплеменника стремительно падал – с той же скоростью, с какой возрастал мой! А какому вождю такое понравится?

И наконец терпение Дрога лопнуло.

– Никогда не пробовал мясо бога! – взревел он, бросаясь вперед и одновременно занося дубину над головой: несмотря на то, что у него за спиной висел мой «Вал», вождь предпочел более привычное оружие.

В чем-то он был прав: убийство дубиной – оно всегда нагляднее, чем расстрел. Разлетающиеся во все стороны брызги крови, обломки костей и фрагменты мозгов, превратившихся в кашу, оно всегда выглядит убедительнее, чем пулевые отверстия в тушке. Типа, смотрите, что бывает с тем, кто осмелился посягнуть на авторитет вождя!

Выхода у меня не было. «Бритвой» такую махину не остановить, даже пытаться без толку. Пока я его буду кромсать ножом, рассекающим плоть как масло, он меня десять раз на тот свет отправит. Потому я действовал чисто на рефлексах и на сталкерской интуиции, которые не раз спасали мне жизнь и в Чернобыльской Зоне, и в иных мирах.

В общем, размахнулся я – и метнул «кровь затона» пря-

мо в раззявленную пасть нео, как бейсболист швыряет мяч в распахнутую кожаную перчатку.

Метнул... и не попал. Видать, у нео тоже был рефлекс – принимать летящие в морду предметы лбом, мощным настолько, что его вряд ли даже автоматная пуля пробьет. Судя по шрамам на лобешнике, туда частенько прилетали и копья претендентов на трон группировки, и пули хомо – судя по всему, особого ущерба Дрогу не причинившие.

Но сейчас случилось иное.

«Кровь затона» совершенно свободно пролетела сквозь череп нео, оставив в нем ровный тоннель, упала на землю, прокатилась несколько метров, после чего остановилась – и покатила обратно ко мне. При этом красный цвет арта стал более насыщенным. Что вполне объяснимо – когда вблизи нет источников ионизирующего излучения, этот артефакт вполне может подпитываться кровью.

Огромный нео по инерции пробежал еще несколько шагов – и рухнул в метре от моих ног. Да уж, «кровь затона» не перестает удивлять, и пока что лишь в положительном смысле. Если б не этот арт, думаю, мою голову уже бы вбила в грудную клетку дубина Дрога. А так – вот он я, живой и здоровый, в отличие от нео, вознамерившегося меня показательно замочить.

Пока артефакт катился ко мне, пара нео, стоявших на его пути, синхронно отпрыгнула подальше от кровавого шарика. При этом их морды были искажены гримасой ужаса, словно

они саму Смерть увидели, которая пришла забрать их души. Я же подобрал действительно бесценный артефакт, су-нул его за пазуху, снял с трупа Дрога свой «Вал» и принялся неторопливо уменьшать длину ремня, который обезьян успел подогнать под свою мощную фигуру. При этом, разумеется, я первым делом проверил наличие патронов в магазине. Конечно, сейчас нео стоят с раскрытыми пастьми и с ужасом смотрят на меня. Но это явление временное. Скоро их отпустит – и там уж как карта ляжет. Лучше, безусловно, чтоб обошлось без применения оружия. Потому что если дойдет до этого самого применения, меня оно ни разу не спасет против целого племени нео.

Первым пришел в себя Урт. И пошел ко мне, косясь на вертел, торчащий из земли. Решил героем стать, завалив меня не силой, а хитростью? Вполне возможно, обезьяны хоть и тупят периодически, но на деле еще те хитрозадые твари.

Урт приблизился – и вдруг упал на колени, после чего значительно так хренакнулся лбом о землю.

– Прости нас, Снар, суровый богwormов! – заорал он. – Дрог был тупой скотиной, который думать желудком и не есть видеть дальше своей нижней челюсти! Прошу тебя от имени всего племени Иггов – стань богом и для нас!

Прозвучало это, конечно, лестно, но мне совершенно не понравилось. Я уже был богом трупоедов, которого они однажды распяли на крестовине и были не прочь повторить процедуру. И начальником боргов я тоже пробыл несколько

часов, после чего красно-черные решили, что им интереснее мой труп, нежели мое мудрое управление группировкой.

Однако, с другой стороны, если я сейчас откажу, где гарантия, что обезьяны это не сочтут оскорблением и не прищучат неучтивого хомо?

Но выход всегда найдется, если его искать. Нашел и я, задвинув пышную речь на тему величия народа... как его там... Имгов... не, Иггов. Точно Иггов – и вроде я не ошибся, глядя на рожи мутантов, которые из озабоченных довольно быстро превратились в благостные.

Лесть – замечательный инструмент для того, чтобы расположить к себе кого угодно, от интеллектуала до туповатого нео, на нее все так или иначе ведутся. Но – на сытый желудок. Голодный думает не о приятных для него словах, которые произносит лстец, а о том, насколько он хорош в виде жаркого. Разумные приматы на сто процентов думали именно об этом, судя по их взглядам на вертел, воткнутый в землю, – на меня – снова на вертел, и так по кругу. С одной стороны, конечно, никому не охота получить кровавым шаром в тыкву, но с другой... если навалиться разом...

Поняв, о чем думают эти мартышки-переростки, я мигом сменил тему речи:

– ...и я, Снар, говорю вам – нет ничего плохого в том, чтобы сильный и могучий народ новых людей стал еще сильнее, вкусив плоть Дрога, великого вождя племени Иггов! Ибо каждому известно, что сила тела и разума имеет свойство

переходить к тому, кто вкушает плоть ее носителя!

У многих нео от таких заворотов челюсти вниз поехали, и я понял, что несколько переборщил с витиеватостью речи. Один волосатый недоросль даже вслух поинтересовался:

– А плоть – это что?

– Мясо, дурак, – зашипел на него Урт, отвесив подзатыльник.

– Мясо? – удивился недоросль. – Это он про то, чтобы Дрога съесть? Так нельзя же, закон племени...

Второй подзатыльник оказался увесистее, недоросля снесло с ног, и он смачно шлепнулся мордой в грязь.

– Если бог говорит можно – значит, можно! – наставительно произнес Урт.

– Ты совсем сдурел, бесхвостый?! – заорала какая-то самка, но иначе наложница Дрога, но ей быстро заткнули пасть. Когда бог говорит дело, ему не прекословят.

Не прошло и получаса, как ободранный и освежеванный Дрог с пастью, набитой крыш-травой, висел над костром. Все время, пока нео потрошили вождя, я прикидывал, как бы свалить, но пока не получалось: Урт, которому я отстрелил хвост, ходил за мной по пятам, заглядывая в глаза и умильно скалясь. Ну да, понятно. Любому божеству нужны доверенные лица, и эта хитрая волосатая морда явно метила на эту должность, при этом не давая мне аккуратно сдернуть отсюда подобру-поздорову.

Пока я предавался размышлениям, над стоянкой поплыл

довольно аппетитный запах шашлыка. Некоторые нео уже приплясывали от нетерпения, однако повар с рукой, замотанной в какие-то фиолетовые листья, зло шипел на всех, кто пытался приблизиться к костру, и для усиления эффекта даже пару раз махнул своим ножом, больше похожим на саблю.

Но наконец священнодействие было окончено.

Повар широким взмахом откромсал от туши бывшего вождя неслабый шмат – и протянул мне.

Вот этого я точно не ожидал... Я, конечно, пожрать всегда за, но тут почти брата по разуму откусать предлагают...

– Ешь, хозяин, – льстиво скалясь, проговорил Урт. – Ты убил врага, тебе первому и есть его мясо! Закон такой.

Блин, ну и логика! Но, с другой стороны, у обезьянов это правило в статусе закона. И если я его нарушу, стало быть, с высокой вероятностью стану их врагом. То есть превращусь в добавку к сытному обеду...

На вкус Дрог оказался так себе. Да еще и жестковат, что не удивительно, ибо вождь племени нео при жизни был горой упругих мышц. Впрочем, обезьянов это особо не смущало – трескали жоака за милую душу, повар только успевал мясо с туши срезать, при этом себя не забывая – то и дело закидывал в пасть куски поподжаристее, гурман хренов.

В общем, Дрога нео заточили довольно быстро – и разбрелись отдыхать, поглаживая округлившиеся животы и вытирая сытые слюни с осоловевших морд.

– Хорошо, – сказал Урт, укладываясь на землю. Сорвал

травинку, сунул в пасть, задумчиво начал жевать. И выдал: – Жизнь простая вещь. Сегодня ты вождь, завтра – еда, а послезавтра – дерьмо.

Я с удивлением посмотрел на нео. Ишь ты, какую мысль выдал философ бесхвостый!

– Все рано или поздно превращается в дерьмо, – продолжил Урт. – Сегодня ты крут, а завтра все обходят стороной то, чем ты стал, чтобы случайно не вляпаться.

– Ты мысли свои записывай, Конфуций, – хмыкнул я.

– Я не умею, – вздохнул нео. – А кто такой Кон... гфу...

– Забей, – сказал я. – Мудрец один. Короче, Урт, мне в Кремль надо.

– Не дойдешь, – зевнул обезьян, которого явно клонило в сон после сытного завтрака. – Новые люди объединились, скоро будет большой штурм красных стен. Рядом с Кремлем везде наши. Поймают и съедят любого хомо, даже если он бог.

Вот так новость... Было уже нечто похожее в первое мое посещение этой вселенной. Помнится, если б Данила с друзьями тогда в Кремль оружие не подвез и танк не подогнал, крепость вполне могла бы пасть под натиском вражьей силы.

– Или Мра поймают и убьет, – добавил нео, слегка пожившись. И, заметив мой недоуменный взгляд, пояснил: – Демон местный. Очень сильный и злой. Ошивается вокруг красных стен и убивает хомо, которые из-за них вылезают. Очень не любит хомо, да. Нас, новых людей, не трогает. А

ваших прям на части рвет.

Час от часу не легче. По ходу, в этих местах какой-то жуткий мутант завелся, которого даже нео побаиваются.

– Но ты мне сильно помог... кхе-кхе... то есть племени Иггов, – продолжал Урт. – Дрог был плохой вождь. Урт будет лучше. Потому Урт поможет богу Снару попасть за красные стены. Долги надо платить, это тоже закон. Но перед этим Снар поможет Урту.

– Как? – поинтересовался я.

– Объявит Урта вождем, – осклабился нео. – Обычно племя выбирает вождя. Но если бог скажет, что Урт – вождь, никто ничего не вякнет.

Мне было совершенно пофиг, кто станет вождем в обезьяньем племени, потому я махнул Урту рукой – поднимайся, мол, хорош валяться. И когда нео подчинился, заорал:

– Слушай меня, народ Иггов! Сегодня я объявляю вождем Урта, достойнейшего из достойных! И да правит он вами мудро и справедливо, и да ниспошлет вам небо благодать под его покровительством!

Честно говоря, было забавно видеть, как реагировали «новые люди» на витиеватые речи – подвисали, глядя на меня офигевшими глазами. Но это нормально. Все лучше, чем когда они пытаются тебя сожрать.

– Это бесхвостый теперь вождь, что ли? – попытался заржать какой-то подросток, пребывающий в том самом возрасте, когда отрицание всего и спор со всем миром есть при-

знак крутости: когда выпендриться больше нечем, остается лишь, подобно знаменитой Моське, пытаться облаять слона или еще лучше – обдать жидким поносом. Однако после того как я задумчиво достал из-за пазухи «кровь затона», юный нео попятился назад:

– Да я это... того... пошутил...

– Еще шутники есть? – поинтересовался я, обводя взглядом нео.

Таковых не нашлось. Я кивнул:

– Итак, славься в веках, великий вождь Урт, и да будет правление твое мудрым и справедливым!

Да уж, не зря книги пишу, языком молоть научился как по писаному, вон, бедные нео все никак в себя не придут от моих речей. Стало быть, самое время свалить до того, пока они отвиснут, осознают произошедшее, и начнут выяснять, с какого, собственно, хрена им вождя назначили свыше.

– Пора валить, пока они не осознали преимуществ монархии, – тихо сказал я.

– Че? – повернул ко мне голову Урт, в бессмысленных глазах которого читалась тщетная попытка понять, что же это я такое прогнал и сейчас, и до этого.

– Ты обещал проводить меня в Кремль.

– Ага, – сказал Урт. Вытер слюни, повернулся и пошел, покачиваясь, словно зомби. Я – за ним. Вот уж не думал, что высокопарный стиль действует на нео, как дудочка заклинателя змей на кобру. У них, по ходу, от этого процессор в

башке перегревается, отчего клинит их неслабо. Урт, например, только минут через пять отошел. И выдохнул:

– Ну, ты мастер говорить, хомо! И правда – бог!

Я спорить не стал. Кто ж будет возражать, если его считают богом? Правильно, никто.

А Урт, кстати, слово держал. Вел через руины как по компасу, обходя опасные места. Один раз я заметил небольшое красное Поле Смерти, спрятавшееся в развалинах кирпичного дома и явно поджидающее добычу. Также не понравилось мне марево над ржавым канализационным люком, похожее на чернобыльскую «жару». Ну а что? Если мутанты через не закрывающийся портал между Зонами шляются туда-сюда, то почему бы и аномалиям через него не перебраться?

Но наиболее осторожно мы обходили патрули нео, которые попадались на пути довольно часто. Урт объяснил: заметят – фиг он меня отмажет, сожрут прежде, чем выяснят, что я бог. Не любят людей нео после того, как при штурме кремлевских стен столько их погибло. Раньше недолюбливали, а теперь особенно ненавидят. И к новому штурму готовятся основательно.

Это, кстати, было заметно.

На сей раз обезьяны подтянули к делу взятых в плен шайнов, искусных во всякого рода смертоносных фейерверках. Я успел краем глаза увидеть, как десяток узкоглазых воинов в побитых доспехах ставили на колеса нечто вроде мортиры,

переводили орудие из походной сборки в боевую. Неприятная перспектива для кремлевских: достаточно одну стену такими орудиями пробить с безопасного расстояния – и немедленно толпы нео хлынут в пролом, уничтожая на своем пути все живое.

Но еще больше не понравился мне нео... в экзоскелете, который присматривал за шайнами, держа в бронированных лапах самый настоящий пулемет!

– Супернео, – завистливо прошептал Урт. – У наш клан таких нет. Дорогая шкура больно, и огненный палка тоже.

– То есть это все можно купить? – удивился я.

– У маркитант все можно купить, – вздохнул новый вождь Иггов. – Было бы золото. Или амрты.

– Арты? – не поверил я своим ушам. – Артефакты?

– Трудный слово, – сказал Урт. – Но да, они. Не такой сильный, как у тебя, но тоже не слабый. Их где-то за кромкой ходоки берут, Урт не знает где.

Ишь ты! Похоже, кое-кто наладил выгодный бизнес в Чернобыльской Зоне – переправлять артефакты не за кордон, а в соседнюю вселенную, где они вполне могут цениться покруче, чем на Большой земле моего мира.

Над развалинами замаячили башни Кремля. Закопченные от пожаров, с отметинами от метательных машин, похожими на шрамы. Над одной из них я разглядел слабо колышущийся на ветру трехцветный флаг. Ясно. Значит, пока еще Кремль в руках людей.

Пока еще...

По всему было видно, что орды нео очень серьезно готовятся к новому штурму – не спеша, основательно. И как знать, не станет ли он последним для жителей крепости, уже смертельно уставших от вечной осады мутантов...

– Ну, я пойти назад, – сказал Урт. – Дальше сам.

– Благодарю, – кивнул я.

– Благо не дари никому, – наставительно сказал нео. – Самому пригодится.

И ушел.

Признаться, я думал, что бесхвостый заведет меня в какую-нибудь ловушку. Ан нет, слово сдержал. Надо же, не ожидал. Порядочность в наше время встречается так же часто, как уникальный артефакт в Зоне – нашел, стоишь, смотришь на него, ожидаешь какого-нибудь подвоха. И весьма удивляешься, если его не случается, ибо жизненный опыт подсказывает, что очень часто порядочность – это лишь красивая ширма, за которой скрывается смертельно опасная аномалия.

Я посидел с полчаса в развалинах, изучая красные стены. Ну, в целом понятно. Патрули по ним ходят туда-сюда. Меж уцелевшими зубцами видны мощные луки снаряженных стрелометов, а также черные дула чугунных пушек.

Особенно над воротами в этом плане хорошо. Вон, метрах в трехстах от них особо ретивый нео валяется, насаженный на толстую стрелу, как на шампур. Нормально так наловчи-

лись кремлевские арбалетчики болты метать, что мне сейчас совсем не на руку. Небось, стреляют по любому движущемуся объекту, если это не свой ударный дружинный отряд, собирающий хабар в окрестностях Кремля.

Помнится, Данила рассказывал, что основной интерес кремлевских в подобных рейдах – это металл, которого в крепости катастрофически не хватало. И если удавалось вырваться, нарезать-наломать ржавой арматуры в развалинах и вернуться, это было большой удачей. А уж ржавого робота-био разобрать на части и привезти – это вообще за счастье.

Но сейчас, конечно, такое вряд ли прокатит – больно уж плотно орды нео обложили крепость. Причем работают на удивление осмысленно, совсем как люди, искушенные в военном деле. Мортиры, захваченные у шайнов, устанавливают, вон, неподалеку от места, где я укрылся, самый натуральный требюше собирают под руководством какой-то твари, которую мне в сгущающихся сумерках никак рассмотреть не получалось...

И тут не столько рассмотрел, сколько догадался, кто это там шарится эдакой полуразмытой тенью...

Ну конечно.

«Мусорщик»!

Тварь из мира Зоны, соплеменники которой используют зараженные земли в качестве свалки для отходов своего высокотехнологичного мира. И тут, по ходу, решили еще одну

замутить.

Ну а почему бы и нет? Если нео захватят Кремль, то наверняка приложат все усилия, чтобы снести крепость до основания, дабы даже памяти о ней не осталось. Что «мусорщикам» очень на руку. Территория Кремля огромна, как раз подходящая площадь для того, чтобы превратить ее в гигантскую свалку. И как только подготовка к штурму будет закончена, пожалуй, можно будет сказать, что дни крепости сочтены. Дальнобойные осадные машины рано или поздно пробьют бреши в красных стенах – ну и все, этот день для жителей Кремля станет последним...

Видимо, защитники крепости это тоже понимали. Неожиданно ворота Кремля распахнулись, и из них вылетел отряд всадников на фенакодусах – лошадях, откатившихся назад по линии эволюции и превратившихся в зубастых чудовищ. Впечатляющее зрелище, кстати, так как на фенакодусах сидели дружинники Кремля, здоровенные бойцы в средневековых русских доспехах, со щитами, в остроконечных шлемах, вооруженные копьями, мечами... и автоматами Калашникова, что смотрелось хоть и странно, но впечатляюще.

Правда, автоматчиков было мало, человек пять. Зато их участие в вылазке оказалось решающим: они на полном скаку начали стрелять, и нео, не ожидавшие столь впечатляющей атаки, бросились в разные стороны, оставив без защиты практически собранный требюше и пару мортир, к которым только что подвезли ядра и плотные мешки – похоже, с по-

рохом.

Думаю, дружинники этого и ждали.

Отряд беспрепятственно подлетел к осадной машине, половина бойцов ловко соскочили с фенакодусов и принялись обкладывать этими мешками требюше, пока остальные следили за нео, державшихся на почтительном расстоянии.

Однако дружинников было мало, человек двадцать. А нео на данном участке – раз в десять больше. Плюс «мусорщик», тоже сперва давший деру, пришел в себя и достал из недр своего туманного бронекостюма очень знакомую мне штуковину с раструбом на конце.

Не знаю, сталкивались ли кремлевские с этим медленным, но крайне эффективным оружием. Я – сталкивался и прекрасно знал, на что способен излучатель, превращающий любую материю в серую пыль. Вон уже едва заметная тень от раструба побежала по земле, потянулась к дружинникам. Еще пара секунд, и половина кремлевского отряда будет уничтожена. А остальных додают нео, навалившись кучей, – кремлевские богатыри, прокачанные D-геном, конечно, совершенные машины для убийства, но против толпы нео им не выстоять...

И тогда я начал стрелять.

Прицельно.

Одиночными.

В башку «мусорщика», посылая пулю за пулей в одну и ту же точку. Лишь так можно пробить их защиту, если только

под рукой нет противотанкового гранатомета с кумулятивным выстрелом. У меня – не было, и поэтому я стрелял, высадив в тыкву пришельца из иномирья треть магазина...

И это сработало!

Тень от излучателя не добежала до крайнего дружинника пары метров, когда «мусорщик» дернулся – и упал, все же поймав в череп свинцовый подарок.

Автомат «Вал» стреляет тихо – так, не звук выстрела, а громкий шелест, словно ветер по разбитому асфальту круто ворох желтых листьев завернул. Никто ничего и не понял: стоял «мусорщик» – и лег, выронив свой излучатель. Может, подустал маленько, решил отдохнуть, бывает. А что слизь из башки брызнула, так этого никто и не заметил, все другим были заняты. Дружинники мешки ворочали, нео себя накручивали – и страшно кидаться на здоровенных хомо, облитых броней, словно сверкающей чешуей, и в то же время надо бы, наверно...

То, что надо, им, кстати, огромный обезьян пояснил, прибежав откуда-то с другого участка. Заорал так, будто ему под хвост зажженный факел сунули:

– Вперрред, тваррри!!! Ррруби хомо!!!

И паре-тройке нерешительных тут же накидал ножищами и здоровенными лапами существенных пинков с подзатыльниками.

Нео будто очнулись, услышав рев вожака и истошный визг тех, кто получил под зад и по шее вдохновляющие стимулы

к атаке. Ринулись толпой, мешая друг другу, сбивая с ног медлительных и пробегая по их корчащимся тушам...

Но дружинники почти закончили работу. Главный дал команду, все вскочили в седла... вот только тот самый здоровенный нео, почуяв, к чему дело движется, выхватил откуда-то из вороха грязной шерсти гранату, выдернул зубищами кольцо и метнул в кремлевских, готовящихся рвануть обратно к воротам. Один что-то похожее на динамитную шашку поджечь успел, небось, хотел назад швырнуть, когда отряд отъедет на безопасное расстояние...

Не успел.

Граната рванула под лапами фенакодусов. Не столько навредила, сколько напугала первобытных лошадей, которых убить не так-то просто.

Твари рванули кто куда, и та, на которой сидел дружинник с горящей шашкой, обезумев, скакнула прямо к требюше, при этом мощно поддав крупом и сбросив с себя всадника... прямо на мешки.

Рвануло знатно. Сначала шашка, и сразу следом – сдетонировавший порох. Хорошо, что я рот успел открыть и, сбросив «Вал», уши заткнуть, а то б барабанные перепонки точно вынесло.

Пороха до фиги было, так что хватило всем. И требюше, который разнесло в щепки. И нео, подбежавшим слишком близко, которых взрывной волной разнесло кого куда.

И дружинникам...

От отряда хорошо если треть осталась – тех, кого обезумевшие фенакодусы унесли подальше. Сейчас выжившие дружинники совершенно правильно действовали: лупили своих зубастых коней пудовыми кулаками меж ушей, пытаюсь болью и сотрясом мозгов привести в чувство. И те, кому это удалось, неслись сейчас к воротам.

Тоже верно.

Погибшим уже не помочь, раненым тоже – их через несколько секунд разорвет толпа нео. А героическая гибель Кремлю воинов не прибавит. Задание выполнено, опасная осадная машина уничтожена, а вместе с ней и две мортиры, кстати. Так что диверсионная группа имеет полное право отступить на свои позиции, не подвергая риску бессмысленного уничтожения остатки личного состава.

Да и раненых видно не было. Куски подрагивающего мяса валялись тут и там, некоторые прямо рядом с развалинами, где я прятался. А что там дальше, где требующе стоял, – не понять. Большое облако черного дыма накрыло место взрыва, и фиг там разберешь, что происходит. Только слышен чей-то истошный, жуткий крик, срывающийся на визг, – видать, какому-то нео лапу оторвало или брюхо расплосовало, вот он и орет, как любое смертельно раненное существо, не желающее тяжело и больно уходить в Край вечной войны...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.